

невозможно от конечных результатов заключать о бесконечной причине. Эту настойчивую ориентированность на бесконечность Бога можно бы так же — если не лучше — объяснить, если предположить, что Бринкель продолжает здесь критику Дунса Скота, развиваемую в «Теоремах», а не сближается с окказиализмом. Прогресс истории, безусловно, состоит скорее в различении критических философий XIV века в разнообразии их мотивов, нежели в объединении их в группы на основе тождества делаемых ими выводов.

В Парижском университете терминистское движение, по всей вероятности, возглавлял Жан (Иоанн) Буридан (Buridan) из Бетюна,

Глава IX Философия в XIV веке

510

длительная карьера и личные достоинства которого достаточно убедительно объясняют его влияние во Франции и за рубежом. Впервые ректором Парижского университета он стал в 1328 г. и во второй раз удостоился этой почетной должности в 1340 г. Следы его деятельности обнаруживаются еще в 1358 г. и, возможно, даже в 1366-м, после чего он исчезает из истории, чтобы стать легендой или, лучше сказать, персонажем нескольких легенд, которые нашли отзвук у Вийона и других поэтов*. Это — логик, автор «Суммы логики» («*Summulae logicae*»), которая в 1398 г. наряду с «*Sum-mulae*» Петра Испанского заняла почетное место в списке произведений, обязательных для прочтения студентами факультета искусств Кёльнского университета. Его творчество скорее характерно для магистра искусств: «Вопросы о «Физике»», «О душе», «Метафизика», «Этика» и «Политика». По результатам исследований, недавно проведенных К. Михальски, можно добавить, что Буридан был магистром искусств, восприимчивым к влиянию Оккама, но не безоговорочно. С другой стороны, он входил в группу преподавателей, которая 29 декабря 1340 г., то есть в год его второго ректорства, подписала распоряжение, запрещающее преподавать многие идеи Оккама. Вскоре мы увидим, что в действительности у Буридана были свои собственные ответы на многие вопросы.

Для него, как и для Аристотеля, наука обязана своим единством предмету или скорее, как говорили в средние века, субъекту, которого она изучает; но этот субъект есть термин («*terminus*»). Термин, представляющий субъект логики, — универсален; термины, которые фигурируют в изучении геометрии и метафизики, — это, соответственно, «величина» и «бытие». Вслед за Оккамом Буридан определяет термин следующим образом: слово, которое в речи замещает («*supponit pro*») определенный объект. Но он модифицирует окказиалистскую классификацию логических «*suppositiones*»: он устраняет формулу простой суппозиции (*suppositio simplex*), котора

у Оккама отражала тот случай, когда слово обозначает общее понятие вида (например, «человек есть вид»), и заменяет ее формулой материальной суппозиции (*suppositio materialis*), которая у Оккама соответствовала случаю, когда термин обозначает само слово, каковым он является (например: «человек есть слово»).

Это приводит к новому «устройству» терминов и величины их значения — терминов, чей точный смысл еще не проявился достаточно ясно, но уже побуждает задать вопрос, был ли номинализм Буридана столь чист, как считали до самого последнего времени. Его язык, по крайней мере там, где «*essentia*» («сущность») играет столь большую роль, порой напоминает язык Авиценны. Одна и та же сущность, например сущность Сократа, может восприниматься посредством двух разных концептов: один безразличен к множеству